

Виктор Григорьев

ЧАША СИЯ

Глава I

«По прошествии времени оглядываешься не столько назад, сколько на женщин», - она вспомнила его слова и улыбка невольно тронула ее губы.

Она долго смотрела в окно. Снег, первый октябрьский снег заметал безлюдный окоем ветхого дворика, оренбургским платком накрывал сумеречную черноту пространства, оставляя пробелы и проплешины в своем отеческом радении. Да, безлюдный, но не безжизненный. Жизнь пульсировала в прожилках ночи густой насыщенностью жизнетворных капилляров, колеблясь меж сном и явью, меж бодрствованием и спячкой.

Она, жизнь, зловеще скрадывалась в суставных сумках деревьев и хлипких пазухах кустарника; утробно, точно тать, осознающий свою вероломность стихии, играючи наваливалась на обездвижившие и замершие формы бытия, готовые вот-вот впасть в летаргию межсезонья, вызывая ответное трепетание снежинок, молочное струение лунного света и убаюкивающую зыбь теней кленов и тополей. Мир в оконном проеме. В этом и есть полнота жизни. В неуловимости ее внешних проявлений.

«В чем же природа человеческих заблуждений? Кто из нас заблуждался? Я или он? Или мы оба? Последнее вернее. Теперь он далеко. И, вообще, неизвестно где. Спросить не у кого. Как все так получилось? Ни близости, ни отчуждения, ни середины, ни края. Это - итог. А - начало..? Вот что значит, нет опыта. Не было его, и сейчас нет. Сейчас еще меньше, чем раньше. Потому что ничего не было. До него. С ним. Без него. Нет, не так. Наговариваю на себя. Как же это уловить? А - он? Что же он? Что от нас двоих осталось? Прошло не так много времени, а я уже не могу уловить ни тонких линий его лица, ни исте-

ричных срывов чуткой природы души. Все расплывчато и размыто. Неосвязаемо. Словно бесплотный дух - отдаленно и отстраненно. Но виденье это не исчезает, напротив, упрочивается родственным причащением душ. Полнее о нем расскажут лица и предметы, в которых он отразился. И где были мы сами? Там, где что-то коснулось лирических струн наших чувств. Ведь нельзя сказать просто любовь. Нет, тут все другое. Вот этого слова так никогда произнесено и не было. Это и есть итог, но не ответ. Полнота прошедшего времени в том, что в нем мы не прибегали к словам посредникам чтобы самоутвердиться в другом существе. Мы просто жили друг в друге».

Белым холстом, натянутым на подрамник двора, лежал снег, являя собой мастерскую творческим замыслам всевышнего о сотворении бытия; нет, больше, - девственную негу брачного ложа. Так продолжалась жизнь. Безостановочно, как конвейер. Жизнь не могла остановиться. Единица измерения подлинной жизни - одна человеческая трагедия, ибо гибнет всегда герой. Хор - здравствует, плодится, поедает поедом себе подобных. Он вечен, он незыблем от века. К нему не применимы художественные приемы осмысления.